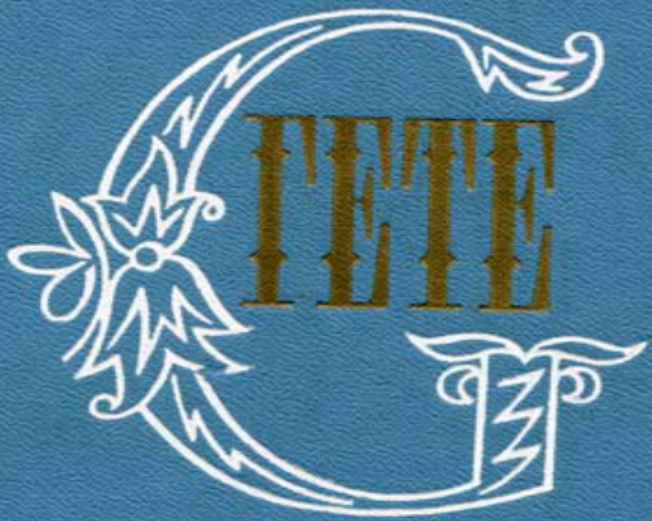
ГЕТЕ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Аудиенция, данная Наполеоном Гете, состоялась 3 октября 1808 года в Эрфуртском дворце веймарского герцога Карла-Августа. Молодой Наполеон был весьма увлечен «Страданиями юного Вертера». Но это ему не помешало на вершине своей славы, повстречавшись с кумиром своих давних увлечений, указать автору на одно слабое, как ему казалось, место в этом романе.

- Иоганн Вольфганг Гете
  - ○
  - ○ Комментарии
    - ■
- notes
  - ○ 1

Иоганн Вольфганг Гете
БЕСЕДА С НАПОЛЕОНОМ
(Эрфурт, 1808 г.)

2 октября. На одиннадцать часов утра я зван к императору. Толстый камергер Поль просит меня обождать. Приемная пустеет. Представление Савари и Талейрану. Меня просят войти. В то же мгновение является Дарю, которого тотчас же впускают. Я задерживаюсь. Меня снова зовут. Вхожу.

Император завтракает за большим круглым столом; по правую его руку, немного поодаль, стоит Талейран, по левую, несколько ближе — Дарю, с которым он обсуждает вопрос о контрибуциях. Император делает мне знак приблизиться. Я останавливаюсь в пристойном отдалении. Внимательно меня оглядев, он говорит:

— Vous êtes un homme[1].

Я кланяюсь.

Он спрашивает:

— Сколько вам лет?

— Шестьдесят.

— Вы хорошо сохранились. Вы писали трагедии?

Я отвечаю по возможности кратко.

Тут берет слово Дарю; желая отчасти польстить немцам, которым он вынужден был причинить немало неприятностей, он заговорил о немецкой литературе; вообще же Дарю был хорошим латинистом и даже сам издавал Горация. Он говорил обо мне, как могли бы говорить мои доброжелатели в Берлине, во всяком случае, в его речах я узнавал их убеждения и образ мыслей. Затем он добавил, что я тоже делал переводы с французского, к примеру, Вольтерова «Магомета». Император заметил: это плохая вещь, — и очень обстоятельно объяснил, как неприлично, чтобы покоритель мира сам себя изображал в столь неприглядном свете.

Далее он перевел разговор на «Вертера», которого изучил досконально. Сделав различные, абсолютно верные, замечания, он указал на одно место и спросил: «Почему вы это сделали? Это неестественно»; далее он пространно и очень верно разобрал это место.

Я слушал его с веселым лицом и отвечал с довольной улыбкой: я не помню, чтобы когда-нибудь кто-нибудь сделал мне такое замечание, но я нахожу его справедливым и признаю, что в этом месте и вправду есть нечто противоестественное. Хотя,

добавил я, поэту можно извинить, если он и воспользуется не слишком законным приемом, чтобы добиться известного эффекта, которого невозможно достичь простым, естественным путем.

Император, казалось, удовлетворился моим объяснением и вновь вернулся к драме, сделал несколько весьма дельных замечаний, как человек, который трагический театр рассматривает с превеликим вниманием, подобно уголовному судье, и глубоко чувствует отход французского театра от правды и натуральности.

Столь же неодобрительно отозвался он и о драмах рока. Они — знамение темных времен. А что такое рок в наши дни? — добавил он, — рок — это политика.

Затем он вновь обратился к Дарю и заговорил с ним о важнейших вопросах контрибуции. Я немножко отступил и оказался в эркере, где более тридцати лет тому назад пережил столько радостных и столько печальных часов; я даже успел заметить, что справа от меня за входными дверями стояли Бертье, Савари и кто-то еще. Талейран уже удалился.

Доложили о маршале Суле. Едва сей рослый муж с пышными волосами вошел, император насмешливо поинтересовался кое-какими неприятными событиями в Польше, а я тем временем успел оглядеться в комнате и припомнить прошлое. Здесь были все те же обои. Но портреты со стен исчезли. Прежде вот тут висел портрет герцогини Амалии в маскарадном костюме, с черной полумаской в руке, а также портреты наместников и членов герцогской семьи.

Император встал, подошел ко мне и умелым маневром отделил меня от тех, с кем я стоял рядом. Он повернулся спиною к ним и приглушенным голосом заговорил со мною, спросил, женат ли я, есть ли у меня дети, — словом, о том, о чем принято спрашивать в приватной беседе. Равно как и о моем отношении к герцогскому дому, к герцогине Амалии, самому герцогу, его супруге и т. д. Я отвечал ему правдиво и непринужденно. Он, казалось, был доволен и повторил мои слова на свой лад, в выражениях более решительных, нежели я мог себе позволить.

При этом я должен заметить, что во время нашего разговора меня поразило разнообразие, с коим он выражал свое одобрение. Редко он слушал неподвижно — либо задумчиво кивал головою, либо говорил «Oui» и «G'est bien» или что-то в этом роде. Не могу не упомянуть и о том, что, высказав какую-то мысль, он непременно осведомлялся: «Qu'en dit Mr. Göt?»

Я улучил мгновение и жестом спросил у камергера, могу ли я проститься, на что тот ответил утвердительно, и я тут же откланялся.

Комментарии

Аудиенция, данная Наполеоном Гете, состоялась 3 октября 1808 года в Эрфуртском дворце веймарского герцога Карла-Августа. Молодой Наполеон был весьма увлечен «Страданиями юного Вертера». Но это ему не помешало на вершине своей славы, повстречавшись с кумиром своих давних увлечений, указать автору на одно слабое, как ему казалось, место в этом романе. Гете ни в одном документе не указал нам, какое именно место подверглось критическому осуждению императора. Но некоторые друзья и собеседники великого поэта утверждают, что Наполеон возражал против двойной мотивировки самоубийства героя-мученика: его несчастной любовью, но вместе с тем и оскорблением, которому он подвергся в одном спесивом и высокомерном дворянском кругу. С точки зрения поэтики французского классицизма его, ныне «венценосный», критик был прав безусловно, но не под углом жизненной правдивости, где сила одного удара судьбы усугубляется силою другого.

Особо примечательным (и показательным для Наполеона) представляется и то, что он — и во время аудиенции, и вслед за тем на балу — заговаривал о приезде и даже переезде Гете в Париж, чтобы поэт обогатился там новыми драматическими замыслами, прославляющими величие созданной им мировой державы. «Что там толкуют о судьбе, — сказал Наполеон как бы между прочим. — Политика — вот вам и судьба».

Немецкий поэт, ставший поэтом Наполеоновской империи? Здесь уместно вспомнить блистательные по уму и по стилю рассуждения Теодора Моммзена в последней, двенадцатой главе третьего тома его «Истории Рима» — главе, посвященной вопросам религии, литературы и искусства. Моммзен в ней говорит о постепенном отрыве новой римской литературы от народных национальных корней поэзии и искусства италийцев, о преображении национальной культуры в имперскую.

Нечто подобное, видимо, представлялось и Наполеону. Гете предложения поехать в Париж не принял.

Савари (с 1816 г. герцог Ровиго Жан-Мари-Рёне; 1774–1833) — генерал, министр полиции. *Талейран* Шарль-Морис, герцог, князь Бенсвентский — знаменитый дипломат, тогда же в Эрфурте заговоривший с императором Александром о предстоящем крушении Наполеоновской империи. *Дарю* Пьер-Антуан-Бруно, граф (1767–1829) — министр финансов, литератор, в 1800 г. выпустивший стихотворения Горация.

Бертье Александр, герцог Ваграмский (1753–1815) — маршал Франции, начальник генерального штаба. В 1806 г. после сражения под Йеной Гете обратился к Бертье с просьбой оказать покровительство научным и художественным институциям Веймарского герцогства. Его просьба была уважена.

Н. Вильмонт

notes

Примечания

1

Вы человек *(франц.)*.